

УДК 94(438).04; ББК 63.3(0)5; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2023.104>

К. М. Медведев

КУЛЬТ ИОСАФАТА КУНЦЕВИЧА В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XVII ВЕКЕ: МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТЬЮ И ПРОЗЕЛИТИЗМОМ*

В современной историографии изучение культа Иосафата Кунцевича в Речи Посполитой в XVII в. является предметом историко-культурного анализа, направленного на изучение агиографии, иконографии, гимнографии, особенностей восприятия и рецепции его культа и памяти на территории отдельных епархий и регионов Речи Посполитой¹. Ряд

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402) «Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

¹ См., например, работы: *Ісіченко І.* Мученицький архетип у життійному просторі Руїни // Київські полоністичні студії. 2012. Т. 19. С. 233–239; *Liškevičienė J.* Juozapato Kuncevičiaus gyvenimo iliustracijos: Pasakojimas ir emblema // Acta Academiae Artium Vilmensis. 2002. T. 27. P. 161–176; *Čiurinskas M.* XVII a. unitų literatūros bruožai: biografiniai kūriniai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje // Senoji Lietuvos literatūra. K. 26. 2008. P. 183–212; *Krasny P.* Relikwiarz św. Jozafata Kuncewicza w katedrze połockiej: Przyczynek do badań nad srebrnymi trumnami relikwiarzowymi w Rzeczypospolitej w XVII wieku // Studia nad sztuką renesansu i baroku. T. 4. Lublin, 2000. S. 121–140; *Gil A.* Kult Jozafata Kuncewicza i jego pierwsze przedstawienie ikonowe w Rzeczypospolitej (do połowy XVII w.): Zarys problematyki // Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. / Red. Andrzej Gil. Lublin, 2005. S. 65–72; *Klauza K.* Teologia męczeństwa w wybranych ikonach Św. Jozafata // Teka Komisji Polsko-Ukraińskich Związków Kulturowych. Vol. 7. 2007. S. 91–99; *Łepkowski M.* Najwcześniejsze przedstawienia św. Jozafata Kuncewicza a problem vera effigies w kształtowaniu się ikonografii świętych w okresie potrydenckim // Fides Ars Scientia. Studia dedykowane pamięci Księdza Kanonika Augustyna Mednisa. Tarnów, 2008. S. 301–314; *Liškevičienė J.* Ankstyvieji palaimintojo Juozapato Kuncevičiaus portretiniai atvaizdai // Acta Academiae Artium Vilmensis. 2011. T. 60. P. 113–125; *Naumow A.* Wiara i historia. Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich. Kraków, 1996. S. 97–142; *Daukšienė O.* Šventasis kankinys kaip šventųjų pirmavaizdis ir globėjo Kristaus atspindys XVII a. poezijoje: «Kraujų tapytas» Juozapato Kuncevičiaus paveikslas // Acta Academiae Artium Vilmensis. 2011. T. 60. P. 99–111; *Takala-*

© К. М. Медведев, 2023

исследователей обратили внимание на этноконфессиональный и политико-религиозный аспекты культа Иосафата Кунцевича в Речи Посполитой, который стал символом «русской» унии и униатской церкви, а также единения католиков обоих обрядов и единства обширного полиэтничного государства². В данной статье мы рассмотрим, как культ католического и униатского мученика дискурсивно конструировался и какую роль он играл в противостоянии с иноверцами в условиях частых и ожесточенных конфликтов на конфессиональной почве в Польско-Литовском государстве в XVII веке³.

12 ноября 1623 г.⁴ в Витебске в результате восстания православными жителями был убит Полоцкий архиепископ Иосафат Кунцевич. Уже вскоре после этого начал формироваться его культ, стали фиксироваться связанные с униатским священником многочисленные чудеса, а римо-католические и греко-католические иерархи практически сразу провозгласили его мучеником, павшим от рук схизматиков⁵ за католическую веру и унию⁶. Французский исследователь Филипп Бьюк отмечал, что в рамках западной

Roszczenko M. The «Latin» within the «Greek»: The feast of the Holy Eucharist in the context of Ruthenian eastern rite liturgical evolution in the 16th–18th centuries. Joensuu, 2013; *Скочиляс І.* Галицька (Львівська) епархія XII–XVIII ст. Організаційна структура та правовий статус. Львів, 2010; *Krajcar J.* Saint Josaphat and the Jesuits of Lithuania // *Miscellanea in honorem S. Josaphat Kunczewycz = Analecta OSBM. Vol. VI (XII). Fasc. 1–4.* 1967. P. 75–84; *Кетра Т.* Recepcja unii brzeskiej na obszarze Wielkiego Księstwa Litewskiego i ziem ruskich Korony do połowy XVII wieku // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej.* 2005. Rok (3). S. 141–170; *Lorens B.* Kult Św. Jozafata Kunczewicza w eparchii przemyskiej w XVII i XVIII wieku // *Rocznik Przemyski.* T. XLIV. Z. 4. Historia. 2008. S. 107–120; *Račiūnaitė T.* Globojant šventą kankinio kūną: Juozapato Kuncėvičiaus kultas «loca sancta» aspektu // *Acta Academiae Artium Vilnensis.* 2011. T. 60. P. 127–147.

² См.: *Родэвальд Ш.* Пра ўшанаванне Язафата Кунцэвіча ў XVII ст. Сродак уніяцкай канфесійнай ідэнтэчнасці ці польска-русінскага яднання? // *Беларускі гістарычны агляд.* 2009. Т. 16. С. 2 (31). С. 345–372; *Лисейчиков Д. В.* «Окрестихъ раба Божяго Ежефата»: Практика имянаречения в честь Иосафата Кунцевича как маркер самоидентификации униатской руси ВКЛ XVII–XVIII вв. // *Религия и русь, XV–XVIII вв. М., 2020.* С. 256–269; *Лось В., Сінкевич Н.* Культ Йосафата Кунцевича: Програма, розвиток і роль у руській католицькій свідомості в XVII–XVIII століттях // *Життя в науці. Студії на пошану Любові Дубровіної.* Київ, 2020. С. 441–470; *Kijas Z. J.* Jozafat Kunczewicz (ok. 1580–1623) — trudny święty pogranicza Kościołów // *Chrześcijańskie święta i święci w życiu duchowym Ukraińców na przełomie tysiącleci.* Kraków, 2001. S. 475–508; *Jobst K. S.* Transnational and trans-denominational aspects of the veneration of Josaphat Kuntsevych // *Journal of Ukrainian studies.* 2012. Vol. 37: Special Issue: Religion, Nation, and Secularization in Ukraine 2012. P. 1–17; *Fukushima C.* Uniate Martyr Josaphat and his role as a confessionalizing, integrating, and nationalizing influence // *Entangled interactions between religion and national consciousness in Central and Eastern Europe.* Boston, 2020. P. 1–28.

³ М. В. Дмитриев предложил именовать это время эпохой «религиозных войн» в Речи Посполитой (*Дмитриев М. В.* Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях Брестской унии 1596 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. № 1 (3). С. 3–22).

⁴ Все даты здесь и далее приводятся по григорианскому календарю.

⁵ Здесь и далее термины «схизматики» и «отщепенцы», следуя за католическими авторами XVII в., использованы для обозначения приверженцев православной церкви.

⁶ Декрет Конгрегации распространения веры о причислении Иосафата Кунцевича к сонму исповедников (in viros Catholicae Fidei defensores), 31 мая 1624 г. // *Российский государственный исторический архив (далее — РГИА).* Ф. 823 (Канцелярия митрополитов греко-

христианской традиции считалось, что мученики своей жертвой вносят вклад в распространение «истинной веры», «освящая» своей кровью дело, за которое они боролись и приняли смерть⁷, а также обрекая своих убийц на Божественное наказание и вечные муки⁸. Таким образом, как писал Ф. Бьюк, сам феномен мученичества во многом мог оправдывать нетерпимость и насилие на религиозной почве, ведь мученики должны были радоваться отмщению, предполагая, что Господь и все верующие христиане воздадут губителям «по делам их»⁹. Как нам кажется, эти наблюдения справедливы и по отношению к складывавшемуся культу Иосафата Кунцевича. Финская исследовательница Мария Такала-Рощенко отметила, что священник стал одним из символов унии и униатской церкви, а его антиправославный культ становится самым явным маркером отмежевания от православной церкви¹⁰.

Таким образом, современники полагали, что, погибнув от рук схизматиков за католическую церковь и унию, Иосафат Кунцевич победил своих противников духовно. 12 сентября 1624 г. в первую годовщину его смерти ученик Греческого Коллегиума Святого Афанасия Фома Ксенисепулос в публичной проповеди в Римском коллегииуме Общества Иисуса восхвалял польского короля Сигизмунда III за наказание виновных в убийстве Полоцкого архиепископа и высказывал надежду на канонизацию Иосафата и прославление его имени «для вечного могущества христианской религии, для вечных страданий врагов...»¹¹. Пролитая кровь взывала к мести и легитимизировала борьбу со всеми врагами «истинной веры» за то дело, за которое боролся Иосафат при жизни, а именно за торжество католицизма. Как писал в 1629 г. в предисловии к изданию своих проповедей, среди которых была и проповедь об Иосафате Кунцевиче, придворный проповедник короля Сигизмунда III Фабиан Бирковский: «И к вам, отщепенцы, взывает кровь невинного Авеля, которого вы убили перед Витебским алтарем...»¹².

В 1625 г. во время торжественного перенесения останков Иосафата из склепа в Софийский собор в Полоцке проповедь в его честь прочитал ученик Кунцевича — кандидат

униатских церквей). Оп. 1. Д. 502. Л. 1; Josephus Velamin Rutskyj, Metropolitae, Urbanum VIII certiore facit de martyrio Archiepiscopi Polocensis, Josaphat Kunczewycz. 23.12.1623 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. I. 1623–1628. Romae, 1952. P. 6–8. No. 2.

⁷ Тертуллиан в своем труде «Апологетик» писал: «Чем более вы истребляете нас, тем более мы умножаемся; кровь христиан есть семя» (Apologeticum // Corpus Christianorum. Series Latina. Vol. I. Quinti Septimi Florentis Tertulliani Opera. P. I. Opera catholica. Adversus Marcionem. Turnholt, 1954. P. 171).

⁸ Buc P. Holy war, martyrdom, and terror: Christianity, violence, and the west. Philadelphia; Pennsylvania, 2015. P. 74.

⁹ Buc P. Holy war, martyrdom, and terror... P. 61–64.

¹⁰ Takala-Roszczenko M. The «Latin» within the «Greek»... P. 93–94. — Д. В. Лисейчиков считает, что культ Иосафата Кунцевича в Речи Посполитой стал одним из проводников униатской конфессионализации (Лисейчиков Д. В. «Окрестихь раба Божяго Ежефата»... С. 256–257).

¹¹ Oratio de B. M. Josaphato Kunczewicio Archiepiscopo Polocensi, anno 1623 die 12 novembris Vitebsci a schismaticis crudeliter trucidato, habita publice in Collegio Romano Soc. Jesu a Thoma Xenicepulo, Collegii Graecorum alumno, anno 1624, die 12 septembris, 12.9.1624 // Susha J. Cursus vitae et certamen martyrii B. Josaphat Kunczewicii, archiep. Polocensis, ep. Vitebscensis et Mstislaviensis ordinis D. Basilii Magni. Parisiis, 1865. P. 205.

¹² Birkowski F. Głos krwi b. Iozaphata Kunczewicza. Także b. Iana Sarkandra, męczennika morawskiego y obrazu bransbergskiego. Kraków, 1629. K. A3.

на Смоленскую униатскую кафедру Лев Кревза. Говоря о возмездии за убийство архиепископа, он угрожал виновным в данном злодеянии как наказанием Божьим, так и расправой: «Когда придет час отмщения, с радостью... муж справедливый умоет руки свои в крови вашей»¹³. Божественной карой и, соответственно, расправой грозил православным также и доминиканец Исаак Малиновский, который в 1673 г. в предисловии к книге с описанием всех посмертных чудес, явленных Кунцевичем, констатировал: «Кровь невинного, которую пролили, собственной кровью вашей будете смывать»¹⁴.

В сознании современников создается образ Иосафата Кунцевича, который является защитником от «безбожников», поражающим врагов католической веры и унии. В 1626 г. во время войны с протестантской Швецией смоленский воевода Александр Госевский в письме униатскому митрополиту Иосифу Рутскому просил признать мученика заступником всего войска и лично самого Госевского. Воевода верил, что Иосафат однажды спас его от врагов¹⁵. В сентябре 1627 г., когда шведское войско приближалось к Полоцку, члены местного иезуитского коллегияума вместе со всеми местными католиками (судя по всему, двух обрядов) молились о помощи Иосафату Кунцевичу, и в итоге опасность со стороны еретиков¹⁶ миновала¹⁷. В тоже время, если верить свидетельству жены полоцкого подвоеводы Яна Лисовского Марины Друцкой-Соколинской, и она просила о защите от врагов у могилы мученика, и шведы отступили из полоцких земель¹⁸. В 1628 г. униатский митрополит Иосиф Рутский утверждал, что тремя годами ранее, в 1625 г., во время подавления казацко-крестьянского восстания под руководством Марка Жмайло, когда схизматики выступили «и против короля, и против Речи Посполитой», и против самой католической веры, польскому войску в борьбе с ними помогал Иосафат¹⁹. В 1633 г. во время войны с Россией «московиты» напали на Полоцк и разорили посад. Однако они не смогли взять замок, так как увидели угрожавшее им войско во главе с Иосафатом Кунцевичем²⁰. После двух беатификационных процессов декретом Римской Конгрегации обрядов от 14 декабря 1642 г.²¹ и бреве

¹³ *Kreuz L. Kazanie o świętobliwym żywocie i chwalebney śmierci przewielebnego w Bodze ousa Iosaphata Kunczewicza, arcybiskupa Połockiego, Witebskiego y Mścisławskiego. [Wilno], 1625. K. 9v.* — Подробный разбор данной проповеди Льва Кревзы см.: *Тимошенко Л.* Руська релігійна культура Вільна. Контекст доби. Осередки. Література та книжність (XVI – перша третина XVII ст.). Дрогобич, 2020. С. 453–523.

¹⁴ *Malinowski D. Korona Złota Nad Głową Zranioną B. M. Iozaphata Kunczewicza. Wilno, 1673. K. 32.*

¹⁵ Копия письма Смоленского воеводы Александра Корвина Гонсевского, 17 ноября 1626 г. // РГИА. Ф. 823 (Канцелярия митрополитов греко-униатских церквей). Оп. 3. Д. 172. Л. 38; *Documenta Beatificationis an. 1628 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. I. 1623–1628. Romae, 1952. P. 171–172.*

¹⁶ Здесь и далее термин «еретики», следуя за католическими авторами использованных нами источников XVII в., использован для обозначения протестантов различных деноминаций.

¹⁷ *Documenta Beatificationis an. 1628 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. I. 1623–1628. Romae, 1952. P. 148–149.*

¹⁸ *Ibid.* P. 133.

¹⁹ *Ibid.* P. 290–292.

²⁰ *Processus Beatificationis an. 1637 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. II. 1628–1637. Romae, 1955. P. 251.*

²¹ *Decretum Beatificationis, 14.12.1642 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 113–114. No. 195.*

Папы Урбана VIII от 16 мая 1643 г.²² Иосафат Кунцевич официально был провозглашен блаженным, днем его памяти был установлен день его кончины — 12 ноября. О важности культа Иосафата Кунцевича для католиков обоих обрядов и его почитании как заступника перед внешними и внутренними врагами католической веры и унии ярко свидетельствует завещание униатского митрополита Антония Селявы 1651 г., в котором тот велел передать значительную сумму денег на содержание у гробницы мученика в Софийском соборе в Полоцке четырех василиан, которые бы постоянно молились «о распространении веры святой католической и единства святого, возвышении церкви вселенской, о единстве и сохранении от нападений внешних неприятелей той Речи Посполитой, отчизны нашей, об обращении еретиков и схизматиков и искоренении веры проклятой их»²³.

Восстание Б. Хмельницкого и «религиозные войны» в Речи Посполитой актуализировали образ Кунцевича как защитника от «безбожников» и грозы схизматиков и еретиков. В 1648 г. казацкое войско приблизилось к городу Перемышлю (Пшемыслу), местные жители готовились к обороне и просили о помощи святых заступников города, среди которых они назвали и «нового заступника Руси» Иосафата Кунцевича²⁴. В 1651 г. перед битвой под Берестечком польский король Ян Казимир приехал в Жировичский монастырь, игуменом которого некогда был Кунцевич, дабы поклониться местной чудотворной иконе Божьей Матери — ее культ пропагандировал при жизни Иосафат. После победы над казацким войском в знак благодарности король даровал в 1652 г. Жировичам привилей на Магдебургское право. С того времени на гербе Жировичей изображен преклоняющий колено Ян Казимир в доспехах и возвышающийся над ним Иосафат Кунцевич с нимбом святого над головой, благословляющий короля иконой Жировичской Божьей Матери²⁵.

В 1662 г. униатский холмский епископ Яков Суша в своем послании в Рим выступил с просьбой о канонизации Кунцевича, аргументируя это пользой для унии и католической религии в условиях борьбы Речи Посполитой с «казаками и схизматиками»²⁶. Начинание Якова Суши поддержали многие представители правящего класса. В 1663 г. сам король Ян Казимир в письме Папе просил об официальной канонизации мученика, объясняя это тем, что в условиях войн с москвитами Польско-Литовскому государству необходима помощь такого рьяного борца со схизмой²⁷. Воевода Краковский Станислав Потоцкий отметил важность канонизации Иосафата Кунцевича «для большего счастья

²² Breve beatificationis Servi Dei Josaphat, Archiepiscopi Polocensis. 16.5.1643 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 119–121. No. 202.

²³ Завещание униатского митрополита Антония Селявы, 4 мая 1651 г. // РГИА. Ф. 823 (Канцелярия митрополитов греко-униатских церквей). Оп. 1. Д. 795. Л. 2–2 об.

²⁴ Lorens B. Kult Św. Jozafata Kuncewicza w eparchii przemyskiej... S. 108.

²⁵ Лусейчиков Д. В. «Окрестить раба Божяго Ежефата»... С. 261–262.

²⁶ Instantia Jacobi Susza de canonizatione Beati Josaphat. 1.6.1662 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 143–144. No. 206.

²⁷ Joan. Casimirus Rex Poloniae supplicat Pontifici Romano pro Canonizatione B. Josaphat. 14.8.1663 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 145–146. No. 208.

Речи Посполитой Польской» в противостоянии с врагами веры²⁸. Воевода Виленский и великий гетман Литовский Павел Ян Сапега в своем обращении с просьбой о канонизации Иосафата Кунцевича в Рим от 12 ноября 1663 г., в день памяти мученика, писал, что полоцкий архиепископ был его «заступником и помощником» в том числе и в битве под Полонкой в 1660 г., когда польско-литовскому войску удалось разбить московитов²⁹. Воевода Трокский Миколай Стефан Пац утверждал, что благодаря заступничеству Иосафата и явленным после его гибели чудесам еще король Сигизмунд III громил «мятежных казаков», а в битве под Полонкой польско-литовские войска одержали верх, идя в бой с именем Иосафата³⁰. В 1665 г., находясь в Риме и ходатайствуя о канонизации Кунцевича, униатский холмский епископ Яков Суша подготовил жизнеописание мученика с приложением явленных им чудес. Последним из приведенных чудес стала победа над московитами в битве под Полонкой в 1660 г., когда командовавшие польско-литовскими войсками Павел Ян Сапега и Стефан Чарнецкий перед сражением назначили кличем для своих жолнеров словосочетание «благословенный Иосафат»³¹.

После окончания русско-польской войны в 1667 г. саркофаг с мощами Иосафата Кунцевича был торжественно возвращен через Вильно в Полоцк, откуда его увезли из-за угрозы начала военных действий в 1653 г.³² Серебряный саркофаг ввозили в Вильно 25 сентября 1667 г. на колеснице в сопровождении триумфальной процессии³³. Как сообщает василианин Бенедикт Михневич, собравшиеся люди пели песни и гимны, прославлявшие «триумфы Иосафата Кунцевича над схизмой», и в особенности победу польско-литовских войск над московитами во главе с князем Хованским в битве под Полонкой³⁴. Аудитор униатского митрополита Гавриила Коленды Киприан Жоховский в своей проповеди, прочитанной в 1667 г. в Полоцке в честь возвращения мощей мученика в город, отмечал, что во время своего «изгнания» Иосафат, где бы он ни был, придавал сил жолнерам в их борьбе с неприятелями³⁵.

²⁸ Stanislaus Potocki, Palatinus Cracoviensis supplicat Pontifici pro canonizatione B. Josaphat. 16.8.1663 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 148–149. No. 211.

²⁹ Paulus Joannes Sapieha Pontifici Romano supplicat pro Canonizatione B. Josaphat. 12.11.1663 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 159–160. No. 220.

³⁰ Instantia Palatini Trocensis de canonizatione Beati Josaphat. 25.10.1665 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 179–180. No. 239.

³¹ *Susha J.* Cursus vitae et certamen martyrii B. Josaphat Kuncevicii, archiep. Polocensis, ep. Vitebscensis et Mstislaviensis ordinis D. Basilii Magni. Parisiis, 1865. P. 139–140.

³² *Fukushima C.* Uniate Martyr Josaphat... P. 16.

³³ Descriptio introductionis reliquiarum Beati Josaphat Vilnam, periculo moscovitico cessato. 25.9.1667 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 197–198. No. 259.

³⁴ *Michniewicz B.* Rosa Autumnalis Coelo Manibus Schismaticorum inserta. [Wilno?], 1667. P. 11.

³⁵ *Żochowski C.* RELACYA CZTERNASTOLETNIEGO WYGNANIA Z Katedry Połockiey B. Męczennika IOZAPHATA. Wilno, 1667. K. C.

В августе 1669 г. униатский митрополит Гавриил Коленда в окружном послании всему черному и белому духовенству писал, что «злоба украинская» хочет уничтожить унию и разорвать единство с Речью Посполитой. Он повелел вместе с паствой молиться за унию Богородице и мученику Иосафату Кунцевичу, «Атланту святой унии»³⁶. Во время коронационных торжеств по случаю восшествия на престол Михаила Вишневецкого 11 ноября 1669 г. в Кракове в кафедральном Вавельском соборе в присутствии короля и сенаторов униатские иерархи отслужили службу по греческому обряду на церковнославянском языке в честь блаженного³⁷. Тогда же архимандрит Лецинского монастыря Киприан Жоховский прочитал проповедь, посвященную мученику, в которой просил его ниспослать наказание на всех врагов католической веры и королевства: запорожских казаков, татар и турок, «ибо угодно Господу, чтобы на Украине людей не было»³⁸.

Как мы видим, культ Иосафата Кунцевича в Речи Посполитой в эпоху «религиозных войн» XVII в. во многом конструировался как обращенный против схизматиков и еретиков³⁹. Одной из важных символических составляющих культа мученика для многих его почитателей становится непримиримость по отношению ко всем врагам католической церкви и, в особенности, носителям религии виновников его смерти, когда борьба со шведами и «московитами», насилие по отношению к мятежным казакам и их сторонникам легитимизировались и «освящались» мученичеством Иосафата за католицизм и унию. Однако в то же время его культ имел и важные прозелитические функции, направленные в сторону «богохульников» и нацеленные на принятие ими «истинной веры». Следует отметить, что здесь не было никакого противоречия, так как многие христианские авторы признавали, что для распространения христианской веры одинаково важны и проповедь, и принуждение, в особенности, если иноверцы отказывались креститься добровольно и упрямо продолжали «богохульствовать»⁴⁰. Один из Отцов Церкви Блаженный Августин в своих проповедях утверждал, что фарисея Савла и будущего апостола Павла к христианству привел именно страх перед Господом и его «жестокая милость», отмечая, что «где [есть] страх, там [есть] спасение»⁴¹. Августин также оправдывал использование репрессивных мер против еретиков донатистов, подчеркивая, что обязанностью всех «праведных» христиан является любыми

³⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 971. Дубровский П. П. Собрание. Оп. 1. Авт. 158. № 10. Л. 1.

³⁷ Excerpta ex relatione, quam metropolita Ruthenus catholicus de conditione suae metropoliae, deque varia sanctae Ruthenorum unionis fortuna cardinalibus S. C. de Propaganda Fide transmisit. 18.12.1671 // Theiner A. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae. T. 3. A Sixto PP. V usque ad Innocentium PP. XII. 1585–1695. Romae, 1863. P. 598. No. DCV.

³⁸ Żochowski C. Dobry pasterz w zywocie y smierci, to iest b. Iozaphat Kvncewicz. Kraków, 1669. K. D.

³⁹ Польский исследователь Здислав Кияс называет Иосафата Кунцевича «трудным святым пограничья» католической и православной церквей в Восточной Европе (*Kijas Z. J. Jozafat Kunczewicz (ok. 1580–1623) — trudny święty pogranicza Kościołów // Chrześcijańskie święta i święci w życiu duchowym Ukraińców na przełomie tysiącleci / Pod red. Włodzimierza Mokrego. Kraków, 2001. S. 476*).

⁴⁰ *Buc P. Holy war, martyrdom, and terror... P. 232–233.*

⁴¹ Augustinus Hipponensis. Sermones // Patrologia Latina / Accurante J-P. Migne. T. XXXVIII. Parisiis, 1865. Col. 1277. Sermo CCLXXIX.

методами, в том числе и с помощью страха и принуждения, приводить «заблудших» к «истинной вере»⁴².

12 ноября 1646 г., в день памяти Иосафата Кунцевича, в Жировичском монастыре королевский секретарь Ян Казимир Войшнарлович в проповеди, посвященной мученику (позже он издал ее для просвещения схизматиков и с надеждой на их отречение от «ересей»⁴³), упоминает, что перед гибелью архиепископ в своей молитве просил Господа не наказывать тех, кто ждал его смерти, утверждая, что своей кровью и жертвой он искупит их грехи⁴⁴. Как мы видим, в трактовке Войшнарловича мученик сознательно шел на смерть и даже проявил милосердие к схизматикам. Однако, на наш взгляд, это не следует воспринимать как призыв быть терпимыми по отношению к ним. Как показал Филипп Бьюк, в рамках католических догматов считалось, что, принимая смерть за «истинную веру», мученики побеждали своих мучителей духовно, ставя их перед выбором: уверовать или быть обреченными на вечные страдания. Французский исследователь отмечает, что для средневековых толкователей знаменитые слова Иисуса Христа: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают»⁴⁵ были не актом беззаветного прощения и милосердия Спасителя по отношению к своим мучителям, а именно утверждением того, что евреи не знали, что убивают своего Мессию, тем самым обрекая Иерусалим и свое царство на уничтожение руками римлян, а себя на вечное рассеяние⁴⁶. Интересно, что в жизнеописании Иосафата Кунцевича 1624 г. Владимирский и Брестский униатский епископ Иоахим Мороховский оправдывал репрессии против жителей Витебска после его убийства, сравнивая их с Божественным судом над евреями, царство которых за распятие Христа было уничтожено, а сами они рассеяны по земле⁴⁷.

Таким же образом можно трактовать высказывания, приписываемые Яном Казимиром Войшнарловичем Иосафату Кунцевичу. Именно как уверенность в том, что жертва приведет виновников гибели священника к «истинной вере» и, соответственно, избавит от грехов, что станет для них милосердием и прощением⁴⁸. Так же мученичество Иосафата объяснял Киприан Жоховский — в 1667 г. в проповеди во время торжеств в Вильно по случаю возвращения мощей Кунцевича он утверждал, что блаженный еще при жизни истязал

⁴² De correctione donatistarum libre // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. LVII. S. Aureli Augustini operu sectio II. S. Aureli Augustini Hipponiensis Episcopi episulae. Pars IV. Vindobonae — Lipsiae, 1911. P. 5–7. Ep. CLXXXV. — Специалисты в области средневековой истории приходят к выводу, что в рамках христианской традиции не существовало четкой границы между отрицанием насилия, его оправданием и даже поощрением (*Vis P. Holy war, martyrdom, and terror... P. 7.*), так же как в Средние века и раннее Новое время не существовало традиционных для современного мира представлений и практик «толерантности» (*Kaplan B. J. Divided by faith. Religious conflict and the practice of toleration in Early Modern Europe. Cambridge, Massachusetts; London, 2007. P. 9.*)

⁴³ *Woysznarowicz K. Krwawa Chrystusowa Winnica Albo Kazanie o Błogosławionym Iozaphacie Kuncewiczu. Kraków, 1647. K. A2 v.*

⁴⁴ *Ibid.* K. E4 r.

⁴⁵ Лк. 23:34.

⁴⁶ *Vis P. Holy war, martyrdom, and terror... P. 157.*

⁴⁷ *Скрутень Й. (о.) Перший життєпис св. Йосафата // Записки ЧСВВ. Т. 1. 1924. С. 350–351.*

⁴⁸ Похожим образом, но скорее в политико-религиозном ключе, трактует восприятие мученичества Иосафата авторами XVII в. украинский исследователь Игорь Исиченко (См.: *Ісиченко І. Мученицький архетип... С. 238.*)

себя перед «дизунитской» церковью в Вильно, прося Христа о том, чтобы православные его кровью «промыли себе очи и в веру святую католическую перешли»⁴⁹.

Католические авторы часто приводили примеры такого милосердия со стороны самого Иосафата и Господа по отношению к раскаявшимся, для которых условием прощения греха убийства Полоцкого архиепископа становилось признание святости Кунцевича и отречение от «схизмы». Так, василианин Бенедикт Михневич писал, что мученик своей кровью умножил католическую веру в Полоцке⁵⁰. В 1666 г. Холмский епископ Яков Суша издал в Риме книгу с жизнеописанием Мелетия Смотрицкого под названием «Савл и Павел русской унии, обращенный кровью блаженного Иосафата». Автор проводил параллели между Стефаном Первомучеником и Иосафатом Кунцевичем, с одной стороны, и фарисеем Савлом и Мелетием, с другой. Он утверждал, что после гибели Кунцевича Смотрицкий, как и Савл после мученичества Стефана, был «сильно уязвлен Богом, и он глубоко стenal о схизме, доселе им поддерживаемой». Так же как Савл, Мелетий был призван Богом и обратился в «истинную веру»⁵¹. В 1667 г. в Вильно перед тем, как процессия с саркофагом с останками мученика отправилась в Полоцк, Киприан Жоховский прочитал в униатской кафедральной Пречистенской церкви проповедь, посвященную Кунцевичу, где говорил о судьбе запорожских казаков, которые за грех убийства Полоцкого архиепископства ныне претерпевают страшные мучения со стороны «магометан». Василианин просил мученика сжалиться над его убийцами, перестать им мстить и даровать святую унию⁵². В изданной в 1673 г. в василианской типографии в Вильно книге с перечислением всех явленных Иосафатом Кунцевичем после смерти чудес приводилась также легенда, известная со слов минского доминиканца, некогда находившегося в плену в Москве, о пощении патриархом Никоном изображения Иосафата, которое тот увидел у пленного поляка. За это Никон был наказан тяжелой болезнью и лишь чудесным образом исцелился, отслужив молебен перед образом мученика⁵³.

Католики обоих обрядов достаточно активно использовали фигуру Иосафата Кунцевича для прозелитизма и обращения не-католиков⁵⁴. Популяризируя идею, что он стал «грозой схизмы», и делая ставку на торжественность и помпезность, свойственные барочному католицизму, для создания визуального впечатления⁵⁵, католики старались

⁴⁹ *Żochowski C.* WSTĘP DO DRODZE DO Stołecznego W^o Xięstwa Lit. Miastá WILNA. Wilno, 1667. K. A4.

⁵⁰ *Michniewicz B.* Rosa Autumnalis... P. 9.

⁵¹ *Susha J.* Savlvs et Pavlvs Rvthenae Vnionis sanguine beati Iosaphat transformatus siue Meletivs Smotricivs. Romae, 1666. K. D-D v.

⁵² *Боцян Й.* (еп.). Йосафатіяна: Причинки до історії почитання // *Miscellanea in honorem S. Josaphat Kuncsevycz = Analecta OSBM.* Vol. VI (XII). Fasc. 1–4. 1967. P. 476–477.

⁵³ *Malinowski D.* Korona Złota... K. K-K v. — Данная легенда получила развитие в униатских кругах в Речи Посполитой уже в XVIII в. (см.: *Корзо М. А.* Иосафат Кунцевич и «чудесное обращение» патриарха Никона: Штрихи к истории одной легенды // *Славянский альманах.* 2021. № 1–2. С. 12–25).

⁵⁴ *Fukushima C.* Uniate Martyr Josaphat... P. 14.

⁵⁵ Следует отметить, что подобная тактика применялась деятелями католической церкви и в регионах, где католики составляли явное меньшинство. Об этом см.: *Długosz T.* Dzieje diecezji smoleńskiej (Rozprawy Wydziału Teologicznego Uniwersytetu Jana Kazimierza. T. II.). Lwów, 1937. S. 63–64.

активно привлекать иноверцев к различным мероприятиям. Еще в 1623 г. кальвинисты, иудеи и православные участвовали в перевозке тела убиенного архиепископа из Витебска в Полоцк⁵⁶. В 1667 г. в Вильно встречать процессию с саркофагом с мощами Кунцевича у Трокских ворот вышли также еретики, иудеи и татары⁵⁷. Как позже сообщали католические авторы, на данные торжества пришли и многие схизматики, которые якобы «не смогли удержаться от слез», и кто-то из них даже захотел принять католичество⁵⁸. Монахов православного Свято-Духова монастыря власти обязали в этот день звонить в колокола, несмотря на то, что прибывавший тогда в Вильно православный митрополит Киевский Иосиф Нелюбович-Тукальский пытался запретить это делать (правда, он поспешил уехать в Могилев и далее в Чигирин к правобережному гетману Петру Дорошенко, видимо, опасаясь санкций)⁵⁹.

Большое значение придавалось описаниям чудес, случившихся с мирянами, что было типичным в условиях Контрреформации и барочного католицизма⁶⁰. В 1667 г. многие из них были зафиксированы во время следования саркофага с мощами Кунцевича в Полоцк через Вильно у останков мученика. В книге доминиканца Исаака Малиновского (издана в 1673 г.) перечислены случаи, произошедшие в Вильно и Полоцке у гроба мученика и связанные со спасением от природных бедствий и исцелением не-католиков⁶¹. Как свидетельствовал униатский митрополит Гавриил Коленда, эти чудеса привели многих людей к принятию католичества⁶².

С культом Иосафата Кунцевича связаны различные чудотворные реликвии. Например, Подольский воевода Анджей Максимилиан Фредро, рьяный католик, активно способствовавший укреплению унии в своих владениях, получил в дар от греко-католических иерархов некогда принадлежавшие Иосафату епископские омофор и нарукавник. Перед своей смертью в 1679 г. Фредро пожертвовал эти вещи монастырю францисканцев в Перемышле (Пшемысле). В литературе отмечается, что передача реликвий спо-

⁵⁶ *Relatio Metrop. Josephi V. Rutskyj de vita et morte S. Josaphat. 1623–1624 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. I. 1623–1628. Romae, 1952. P. 16. No. 3; Processus Beatificationis an. 1637 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. II. 1628–1637. Romae, 1955. P. 298.*

⁵⁷ *Michniewicz B. Rosa Autumnalis... P. 23.*

⁵⁸ *Descriptio introductionis reliquiarum Beati Josaphat Vilnam... 25.9.1667 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 198. No. 259.*

⁵⁹ Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Ю. Трубницкого // Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 244.

⁶⁰ Об этом см., например: *De Ceglia F. P. Playing God: Testing, modeling, and imitating blood miracles in Eighteenth-century Europe // Bulletin of the History of Medicine. Vol. 91. No. 2. 2017. P. 391–419; Noyes R. S. «Purest Bones, Sweet Remains, and Most Sacred Relics». Re-Fashioning St. Kazimierz Jagiellończyk (1458–84) as a Medieval Saint between Counter-Reformation Italy and Poland-Lithuania // Religions. 2021. Vol. 12. No. 11. P. 1011–1046.*

⁶¹ *Malinowski D. Korona Złota... K. G v.-H2.*

⁶² *De ingressu reliquiarum B. Josaphat Vilnam. 12.12.1667 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 199–200. No. 261; Commendat negotium canonizationis, Decimarum Chelmensium et Hospitium SS. Sergii et Bacchi. 13.12.1667 // S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 200–201. No. 262.*

собствовала увеличению числа православных, посещавших монастырь, и количества людей, принимавших там католицизм⁶³.

Для католиков было принципиальным, чтобы все «богохульники», по словам Бьюка, признали могущество католических святых и склонились перед ними⁶⁴. В случае с Полоцким архиепископом важен был также и факт покаяния в убийстве и признание Иосафата Кунцевича истинным мучеником и святым. Видимо, с этим связаны фиксирующиеся в источниках с католической стороны свидетельства иноверцев об оказании чудесной помощи, которые, скорее, показывают убежденность самих католиков в том, что и «богохульники» признают святость и могущество мученика. Как сообщал униатский Холмский епископ Яков Суша, после победы над «московитами» в битве под Полонкой 1660 г. полковник-схизматик свидетельствовал о помощи, явленной Кунцевичем, перед сенатом, чтобы «из уст неприятеля своего получил хвалу благословенный Иосафат»⁶⁵. В 1665 г. среди представителей политической и религиозной элиты, которые на съезде в Гродно подписали прошение в Рим с просьбой о канонизации блаженного, был Марциан Огинский⁶⁶, принявший католицизм только после 1669 г., чтобы получить сенаторский уряд⁶⁷. Официальное же чествование Кунцевича было важным условием для «неофитов», дабы доказать истинность их «раскаяния» и принятия католицизма. Так, когда унию официально принимал Перемышльский православный епископ Иннокентий Винницкий и, соответственно, в унию переводилась вся епархия, со стороны Конгрегации пропаганды веры одним из условий было отмечать праздник в честь блаженного Иосафата по обычаю униатов⁶⁸. Епархиальный синод 1693 г. официально распространил данную практику на всю территорию Перемышльской епархии⁶⁹.

Как мы видим, культ Иосафата Кунцевича в эпоху «религиозных войн» в Речи Посполитой в XVII в. играл для католиков обоих обрядов очень важную роль в условиях межконфессионального противостояния с православными и, в меньшей степени, с протестантами. Культ Полоцкого архиепископа активно использовался в борьбе с «неверными», легитимизируя борьбу и насилие по отношению к самым убежденным и упорным врагам католической религии и унии Божественным гневом и «мстостью» за пролитую кровь мученика. В то же время культ Иосафата имел ярко выраженный прозелитический характер, направленный на распространение католицизма среди иноверцев. Обе эти ипостаси не противоречили друг другу, так как в рамках традиционных для христианства Средних веков и раннего Нового времени представлений

⁶³ *Lorens B.* Kult Św. Jozafata Kuncewicza w eparchii przemyskiej... S. 111–113.

⁶⁴ *Buc P.* Holy war, martyrdom, and terror... P. 222–223.

⁶⁵ *Susha J.* Cursus vitæ et certamen martyrii... P. 140.

⁶⁶ *Instantia Nobilium pro canonizatione Beati Josaphat.* 30.7.1665 // *S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis.* Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 174. No. 233.

⁶⁷ *Dyaryusz wojewody witepskiego Jana Antoniego dwoch imion Chrapowickiego jako przyczynek do dziejów z czasów Jana Kazimierza, Michała Wiszniowieckiego i Jana Sobieskiego, królów polskich / Przez J. Rusieckiego.* Oddz. 1. Warszawa, 1845. S. XXVIII–XXIX.

⁶⁸ *De conditionibus Unionis Eparchiae Peremysliensis, etc.* 17.9.1691 // *S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis.* Vol. III. 1637–1867. Romae, 1967. P. 228. No. 284.

⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 957. Собрание польских рукописей. Польск. Ф. I. 54. Л. 7 об.

всегда подчеркивалось, что для распространения «истинной веры» одинаково важны и «слово», и «меч», и в рамках культа Иосафата Кунцевича данное убеждение нашло яркое отражение. Так, например, в упоминавшейся выше проповеди ученик Полоцкого архиепископа Лев Кревза, с одной стороны, пугал виновных в убийстве Кунцевича схизматиков Божественным наказанием от рук «справедливых» людей, но, с другой стороны, в конце проповеди молил Иосафата не мстить его врагам, но просить Господа, чтобы они, «опомнившись, к вселенской апостольской церкви обратились»⁷⁰.

Информация о статье

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402) «Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

Автор: Медведев, Кирилл Максимович — лаборант-исследователь, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0000-0002-7495-905X; e-mail: st069758@student.spbu.ru

Заголовок: Культ Иосафата Кунцевича в Речи Посполитой в XVII веке: Между религиозной нетерпимостью и прозелитизмом

Резюме: В статье в контексте представлений и понятий, связанных с феноменом мученичества в западном христианстве, рассматривается дискурсивное конструирование, становление и развитие культа католического мученика Иосафата Кунцевича в условиях напряженной межконфессиональной конфронтации и «религиозных войн» в Речи Посполитой в XVII веке. Отмечается, что культ униатского Полоцкого архиепископа, убитого православными, активно использовался в противостоянии с иноверцами, в особенности с приверженцами православной церкви, легитимизируя борьбу и даже насилие по отношению к ним, и, в особенности, самым убежденным и упорным врагам католической церкви и унии Божественным гневом и «мстью» за пролитую кровь мученика. В то же время культ Иосафата имел ярко выраженный прозелитический характер, направленный на распространение католицизма среди «неверных». Обе эти ипостаси никак не противоречили друг другу, так как, во-первых, в рамках традиционных для христианства представлений часто подчеркивалось, что мученики, принимая смерть за свою веру, своей жертвой способствуют победе христианства над его врагами и его распространению, ставя своим мученичеством виновных в своей гибели перед выбором: либо уверовать, либо быть обреченным на Божественное наказание и вечные страдания. Во-вторых, христианские авторы в Средние века и ранее Нового время традиционно отмечали, что для распространения «истинной веры» одинаково важны и проповедь, и принуждение (даже насилие), и в рамках культа Иосафата Кунцевича данное убеждение нашло свое яркое отражение.

Ключевые слова: Иосафат Кунцевич, Речь Посполитая, католицизм, униатство, Брестская уния, православие, протестантизм, культы святых, мученики

Литература, использованная в статье:

Боцян, Йосиф. (сн.). Йосафатіана: Причинки до історії почитання // *Miscellanea in honorem S. Josaphat Kuncsevycz = Analecta OSBM. Vol. VI (XII). Fasc. 1–4. 1967. P. 441–510.*

Дмитриев, Михаил Владимирович. Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях Брестской унии 1596 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 1 (3). С. 3–22.*

Ісаченко, Ігор. Мученицький архетип у життійному просторі Руїни // *Київські полоністичні студії. 2012. Т. 19. С. 233–239.*

Корзо, Маргарита Анатольевна. Иосафат Кунцевич и «чудесное обращение» патриарха Никона: штрихи к истории одной легенды // *Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 12–25. DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.01*

Лисейчиков, Денис Васильевич. «Окрестихь раба Божяго Ежефата»: практика имянаречения в честь Иосафата Кунцевича как маркер самоидентификации униатской руси ВКЛ XVII–XVIII вв. // *Религия и русь, XV–XVIII вв. / Отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. Москва: Политическая энциклопедия, 2020. С. 256–269.*

⁷⁰ *Kreuz L. Kazanie... K. 10r.*

- Лось, Валентина, Сінкевич, Наталя.* Культ Йосафата Кунцевича: програма, розвиток і роль у руській католицькій свідомості в XVII–XVIII століттях // *Життя в науці. Студії на пошану Любові Дубровіної / Відпов. ред. Олексій Онисенко.* Київ: НБУВ, 2020. С. 441–470.
- Родэвальд, Штэфан.* Пра ўшанаванне Язафата Кунцэвіча ў XVII ст. Сродак уніяцкай канфесійнай ідэнтычнасці ці польска-русінскага яднання? // *Беларускі гістарычны агляд.* Т. 16. С. 2 (31). 2009. С. 345–372.
- Скочиляс, Ігор.* Галицька (Львівська) єпархія XII–XVIII ст. Організаційна структура та правовий статус. Львів: Вид-во УКУ, 2010. XIV + 832 с. + 16 с. кольор. іл.
- Тимошенко, Леонід.* Руська релігійна культура Вільна. Контекст доби. Осередки. Література та книжність (XVI – перша третина XVII ст.). Дрогобич: Коло, 2020. 796 с.: іл.
- Vuc, Philippe.* Holy War, Martyrdom, and Terror: Christianity, Violence, and the West. Philadelphia, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2015. VIII + 445 p.
- Daukšienė, Ona.* Šventasis kankinys kaip šventųjų pirmavaizdis ir globėjo Kristaus atspindys XVII a. poezijoje: «Крају тартытас» Juozapato Kuncevičiaus paveikslas // *Acta Academiae Artium Vilmensis.* 2011. T. 60. P. 99–111.
- De Ceglia, Francesco Paolo.* Playing God: Testing, modeling, and imitating blood miracles in Eighteenth-century Europe // *Bulletin of the History of Medicine.* Vol. 91. No. 2. 2017. P. 391–419.
- Čiurinskas, Mintautas.* XVII a. unitų literatūros bruožai: Biografiniai kūriniai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje // *Senoji Lietuvos literatūra.* K. 26. 2008. P. 183–212.
- Fukushima, Chiho.* Uniate Martyr Josaphat and His Role as a Confessionalizing, Integrating, and Nationalizing Influence // *Entangled Interactions Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe / Ed. by Yoko Aoshima.* Boston: Academic Studies Press, 2020. P. 1–28.
- Gil, Andrzej.* Kult Jozafata Kuncewicza i jego pierwsze przedstawienie ikonowe w Rzeczypospolitej (do połowy XVII w.): Zarys problematyki // *Kościół wschodnie w Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. / Red. Andrzej Gil.* Lublin: Instytut Europy Środkowo–Wschodniej, 2005. S. 65–72.
- Jobst, Kerstin S.* Transnational and Trans-Denominational Aspects of the Veneration of Josaphat Kuntsevych // *Journal of Ukrainian studies.* Vol. 37. (Special Issue: Religion, Nation, and Secularization in Ukraine). 2012. P. 1–17.
- Kaplan, Benjamin J.* Divided by Faith. Religious Conflict and the Practice of Toleration in Early Modern Europe. Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 429 p.
- Kempa, Tomasz.* Recepcja unii brzeskiej na obszarze Wielkiego Księstwa Litewskiego i ziem ruskich Korony do połowy XVII wieku // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej.* 2005. Rok (3). S. 141–170.
- Kijas, Zdzisław J. OFMConv.* Jozafat Kuncewicz (ok. 1580 – 1623) — trudny święty pogranicza Kościołów // *Chrześcijańskie święta i święci w życiu duchowym Ukraińców na przełomie tysiącleci / Pod red. Włodzimierza Mokrego.* Kraków: Szwajpolt Fiol, 2001. S. 475–508.
- Klauza, Karol.* Teologia męczeństwa w wybranych ikonach Św. Jozafata // *Teka Komisji Polsko-Ukraińskich Związków Kulturowych.* 2007. Vol. 7. S. 91–99.
- Krajcar, Jan.* Saint Josaphat and the Jesuits of Lithuania // *Miscellanea in honorem S. Josaphat Kuncevyč = Analecta OSBM.* Vol. VI (XII). Fasc. 1–4. 1967. P. 75–84.
- Krasny, Piotr.* Relikwiarz św. Jozafata Kuncewicza w katedrze połockiej: Przyczynek do badań nad srebrnymi trumnami relikwiarzowymi w Rzeczypospolitej w XVII wieku // *Studia nad sztuką renesansu i baroku / Red. Jerzy Lilejko.* T. 4. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniw. Lubelskiego, 2000. S. 121–140.
- Łepkowski, Mateusz.* Najwcześniejsze przedstawienia św. Jozafata Kuncewicza a problem vera effigies w kształtowaniu się ikonografii świętych w okresie potrydenckim // *Fides Ars Scientia. Studia dedykowane pamięci Księdza Kanonika Augustyna Mednisa / Redakcja: Andrzej Betlej, Jozef Skrabski.* Tarnów: Muzeum Okręgowe w Tarnowie, 2008. S. 301–314.
- Liškevičienė, Jolita.* Ankstyvieji palaimintojo Juozapato Kuncevičiaus portretiniai atvaizdai // *Acta Academiae Artium Vilmensis.* 2011. T. 60. P. 113–125.
- Liškevičienė, Jolita.* Juozapato Kuncevičiaus gyvenimo iliustracijos: pasakojimas ir emblema // *Acta Academiae Artium Vilmensis.* 2002. T. 27. P. 161–176.
- Lorens, Beata.* Kult Św. Jozafata Kuncewicza w eparchii przemyskiej w XVII i XVIII wieku // *Rocznik Przemyski.* T. XLIV. Z. 4. Historia. 2008. S. 107–120.
- Naumow, Aleksander.* Wiara i historia. Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polskolitewskich. Kraków: Wydawnictwo ORTHDRUK, 1996. (Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim. T. 1). 215 s.

Noyes, Ruth Sargent. «Purest Bones, Sweet Remains, and Most Sacred Relics». Re-Fashioning St. Kazimierz Jagiellończyk (1458–84) as a Medieval Saint between Counter-Reformation Italy and Poland-Lithuania // *Religions*. 2021. Vol. 12. No. 11. P. 1011–1046.

Račiūnaitė, Tojana. Globojant šventą kankinio kūną: Juozapato Kuncevičiaus kultas «loca sancta» aspektu // *Acta Academiae Artium Vilnensis*. 2011. T. 60. P. 127–147.

Takala-Roszczenko, Maria. The «Latin» within the «Greek»: The feast of the Holy Eucharist in the context of ruthenian eastern rite liturgical evolution in the 16th–18th centuries. Joensuu: University of Eastern Finland, 2013. 288 p.

Information about the article

The research was funded by the Russian Science Foundation (project Nr. 21-48-04402) «Saints and heroes from Christianization to Nationalism: Symbol, Image, Memory (Nord-West Russia, Baltic and Nordic countries)».

Author: Medvedev, Kirill Maximovich — Research Assistant, Institute of History, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, Orc ID 0000-0002-7495-905X; e-mail: st069758@student.spbu.ru

Title: The cult of Josaphat Kuntsevych in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 17th century: Between religious intolerance and proselytism

Summary: In the article within the framework of traditional ideas and concepts associated with the phenomenon of martyrdom in Western Christianity the discursive construction, formation and evolution of the cult of the Catholic martyr Josaphat Kuntsevych is considered in the context of intense inter-confessional confrontation and «Wars of Religion» in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 17th century. It is noted that the cult of the Uniate Archbishop of Polotsk, killed by the Orthodox, was actively used in the confrontation with the «gentiles», especially with adherents of the Orthodox Church, justifying the struggle and violence against them and, in particular, against the most convinced and stubborn enemies of the Catholic Church and the Church Union with Divine wrath and «revenge» for the shed blood of the martyr. At the same time, the cult of Josaphat had a pronounced proselytizing character, aimed at spreading Catholicism among the «gentiles». Both of these hypostases did not contradict each other, since within the framework of the Christian tradition it was believed that the martyrs, accepting death for their faith, contribute to the victory of Christianity over its enemies and its spread, because by their martyrdom they put a choice before their tormentors: either believe in the true God or be doomed to eternal suffering. Secondly, Christian authors of the Middle Ages and early modern period traditionally noted that both preaching and coercion (even violence) are equally important for the spread of the «true faith», and within the framework of the cult of Josaphat Kuntsevych this belief was vividly reflected.

Keywords: Josaphat Kuntsevych, Polish-Lithuanian Commonwealth, catholicism, uniatism, Union of Brest, orthodoxy, protestantism, cults of saints, martyrs

References:

Bocyan, Josif (bishop). Yosafatiiana: Prychynky do istorii pochyttannia [Josaphatiana: Notes on the history of veneration], in *Miscellanea in honorem S. Josaphat Kuncevyycz = Analecta OSBM*. Vol. VI (XII). Fasc. 1–4. 1967. Pp. 441–510. (in Ukrainian).

Buc, Philippe. *Holy War, martyrdom, and terror: Christianity, violence, and the West*. Philadelphia, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2015. VIII + 445 p.

Čiurinskas, Mintautas. XVII a. unitų literatūros bruožai: biografiniai kūriniai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje [Features of the Uniate literature of the 17th century: Biographical works in the Grand Duchy of Lithuania], in *Senoji Lietuvos literatūra [Old Lithuanian literature]*. 2008. Vol. 26. Pp. 183–212. (in Lithuanian).

Daukšienė, Ona. Šventasis kankinys kaip šventųjų pirmavaizdžio ir globėjo Kristaus atspindys XVII a. poezijoje: «Krauju tapytas» Juozapato Kuncevičiaus paveikslas [Martyr saint as the reflection of the prototype of the saints and the patron Christ in 17th century poetry: The image of bl. Josaphat of Polotsk «painted in blood»], in *Acta Academiae Artium Vilnensis*. 2011. Vol. 60. Pp. 99–111. (in Lithuanian).

De Ceglia, Francesco Paolo. Playing God: Testing, modeling, and imitating blood miracles in Eighteenth-Century Europe, in *Bulletin of the History of Medicine*. Vol. 91. No. 2. 2017. Pp. 391–419.

Dmitriev, Mihail Vladimirovich. Religioznye voyny v Rechi Pospolitoj? K voprosu o posledstviyah Brestskoy unii 1596 goda [«Wars of Religion» in the Polish-Lithuanian Commonwealth? About consequences of the Brest Union of 1596], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. No. 1 (3). Pp. 3–22. (in Russian).

- Fukushima, Chiho. Uiate Martyr Josaphat and His Role as a Confessionalizing, Integrating, and Nationalizing Influence, in *Entangled Interactions Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe*. Ed. by Yoko Aoshima. Boston: Academic Studies Press, 2020. Pp. 1–28.
- Gil, Andrzej. Kult Jozafata Kuncewicza i jego pierwsze przedstawienie ikonowe w Rzeczypospolitej (do połowy XVII w.): Zarys problematyki [The cult of Josaphat Kuntsevych and his first iconic representation in the Polish-Lithuanian Commonwealth (until the mid-17th century): Outline of the issues], in *Kościół wschodnie w Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. [Eastern Churches in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th–18th centuries]*. Ed. Andrzej Gil. Lublin: Institute of Central and Eastern Europe Publ., 2005. Pp. 65–72. (in Polish).
- Isichenko, Ihor. Muchenytskyi arkhetyv u zhytynomu prostori Ruiny [Martyr archetype in the hagiography in the times of the Ruin], in *Kyivski polonistychni studii [Kyiv Polonistic Studies]*. 2012. Vol. 19. Pp. 233–239. (in Ukrainian).
- Jobst, Kerstin S. Transnational and trans-denominational aspects of the veneration of Josaphat Kuntsevych, in *Journal of Ukrainian studies*. Vol. 37: Special Issue: Religion, Nation, and Secularization in Ukraine. 2012. Pp. 1–17.
- Kaplan, Benjamin J. *Divided by Faith. Religious Conflict and the Practice of Toleration in Early Modern Europe*. Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 429 p.
- Kempa, Tomasz. Recepcja unii brzeskiej na obszarze Wielkiego Księstwa Litewskiego i ziem ruskich Korony do połowy XVII wieku [Reception of the Union of Brest in the area of the Grand Duchy of Lithuania and the Ruthenian lands of the Crown until the mid-17th century], in *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej [Annual of the Institute of Central and Eastern Europe]*. 2005. Year (3). Pp. 141–170. (in Polish).
- Kijas, Zdzisław J. OFMConv. Jozafat Kuncewicz (ok. 1580 – 1623) — trudny święty pogranicza Kościołów [Josaphat Kuntsevych (c. 1580–1623) — a difficult saint of the borderland of churches], in *Chrześcijańskie święta i święci w życiu duchowym Ukraińców na przełomie tysiącleci [Christian holidays and saints in the spiritual life of Ukrainians at the turn of the millennium]*. Ed. Włodzimierz Mokry. Kraków: Swiss Fiol Publ., 2001. Pp. 475–508. (in Polish).
- Klauza, Karol. Teologia męczeństwa w wybranych ikonach Św. Jozafata [Theology of martyrdom in selected icons of St. Josaphat], in *Teka Komisji Polsko-Ukraińskich Związków Kulturowych [Portfolio of the Commission of Polish-Ukrainian Cultural Associations]*. Vol. 7. 2007. Pp. 91–99. (in Polish).
- Korzo, Margarita Anatolyevna. Iosafat Kuncevic i «chudesnoe obrashchenie» patriarha Nikona: Shtrihi k istorii odnoy legendy [Josaphat Kuntsevych and «Marvelous Conversion» of the Patriarch Nikon: The story of one legend], in *Slavyanskiy al'manah [Slavic Almanac]*. 2021. No. 1–2. Pp. 12–25. DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.01. (in Russian).
- Krajcar, Jan. Saint Josaphat and the Jesuits of Lithuania, in *Miscellanea in honorem S. Josaphat Kuncevytz [Analecta OSBM]*. Vol. VI (XII). Fasc. 1–4. 1967. Pp. 75–84.
- Krasny, Piotr. Relikwiarz św. Jozafata Kuncewicza w katedrze połockiej: Przyczynek do badań nad srebrnymi trumnami relikwiarzowymi w Rzeczypospolitej w XVII wieku [Reliquary of St. Josaphat Kuntsevych in the Polotsk Cathedral: Contribution to research on silver reliquary coffins in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 17th century], in *Studia nad sztuką renesansu i baroku [Studies in Renaissance and Baroque art]*. Ed. Jerzy Lileyko. Vol. 4. Lublin: Scientific Society of the Catholic University of Lublin Publ., 2000. Pp. 121–140. (in Polish).
- Łepkowski, Mateusz. Najwcześniejsze przedstawienia św. Jozafata Kuncewicza a problem vera effigies w kształtowaniu się ikonografii świętych w okresie potrydenckim [The earliest representations of St. Josaphat Kuntsevych and the problem of vera effigies in the formation of iconography of saints in the post-Tridentine period], in *Fides Ars Scientia. Studia dedykowane pamięci Księdza Kanonika Augustyna Mednisa [Fides Ars Scientia. Studies dedicated to the memory of Father Canon Augustyn Mednis]*. Eds. Andrzej Betley, Jozef Skrabski. Tarnów: District Museum in Tarnów Publ., 2008. Pp. 301–314. (in Polish).
- Liseychikov, Denis Vasilyevich. «Okrestih raba Bozhago Ezhefat»: Praktika imyanarecheniya v chest' Iosafata Kuncevicza kak marker samoidentifikatsii uniatskoy rusi VKL XVII–XVIII vv. [«Baptizing the servant of God Ezhefat»: The practice of naming in honor of Josaphat Kuntsevych as a marker of self-identification of the Uniate Rus' of the GDL in the 17th–18th centuries], in *Religiya i rus', XV–XVIII vv. [Religion and the Rus', 15th–18th centuries]*. Ed. by A. V. Doronin. Moscow: Politicheskaya enciklopediya Publ., 2020. Pp. 256–269. (in Russian).

- Liškevičienė, Jolita. Ankstyvieji palaimintojo Juozapato Kuncevičiaus portretiniai atvaizdai [Early portrait images of the martyr Josaphat Kuntsevych], in *Acta Academiae Artium Vilnensis*. 2011. Vol. 60. Pp. 113–125. (in Lithuanian).
- Liškevičienė, Jolita. Juozapato Kuncevičiaus gyvenimo iliustracijos: Pasakojimas ir emblema [Illustrations of the life of Josaphat Kuncevičius: A narrative and an emblem], in *Acta Academiae Artium Vilnensis*. 2002. Vol. 27. Pp. 161–176. (in Lithuanian).
- Lorens, Beata. Kult Św. Jozafata Kuncewicza w eparchii przemyskiej w XVII i XVIII wieku [Cult of St. Josaphat Kuntsevych in the eparchy of Przemyśl in the 17th and 18th centuries], in *Rocznik Przemyski [Przemyśl Annual]*. 2008. Vol. XLIV. Iss. 4. Historia. Pp. 107–120. (in Polish).
- Los, Valentyna, Sinkevych Natalia. Kult Yosafata Kuntsevycha: Prohrama, rozvytok i rol u ruskii katolytskii svidomosti v XVII–XVIII stolittiakh [The cult of Josaphat Kuntsevych: Programme, development and role within Rus Catholic consciousness in the 17th–18th centuries], in *Zhyttia v nauksi. Studii na poshanu Liubovi Dubrovinoi [Life in Science. Studies in Honour of Liubov Dubrovina]*. Ed. in ch. Oleksii Onyshchenko. Kyiv: VNLU Publ., 2020. Pp. 441–470. (in Ukrainian).
- Naumow, Aleksander. *Wiara i historia. Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polskolitewskich [Faith and History. From the history of Church Slavonic literature in the Polish-Lithuanian lands]*. Kraków: ORTHDRUK Publ., 1996. (Series devoted to Slavic antiquities. Vol. 1). 215 p. (in Polish).
- Noyes, Ruth Sargent. «Purest Bones, Sweet Remains, and Most Sacred Relics». Re-Fashioning St. Kazimierz Jagiellończyk (1458–84) as a Medieval Saint between counter-reformation Italy and Poland-Lithuania, in *Religions*. 2021. Vol. 4. No. 11. Pp. 1011–1046.
- Račiūnaitė, Tojana. Globojant šventą kankinio kūną: Juozapato Kuncevičiaus kultas «loca sancta» aspektu [Patronizing the holy body of a martyr: The cult of Josaphat Kuntsevych from the «loca sancta» aspect], in *Acta Academiae Artium Vilnensis*. 2011. Vol. 60. Pp. 127–147. (in Lithuanian).
- Rodevald, Štefan. Pra ũšanaũannie Jazafata Kunceviča ũ XVII st. Srodak unijackaj kanfiesijnaj identyčnaũci ci polska-rusinskaha jadaũnna? [On the veneration of Josaphat Kuntsevych in the 17th century. The modus of the Uniate confessional identity or of the Polish-Ruthenian unity?], in *Bielarũski historyčny ahlad [Belarusian historical review]*. 2009. Vol. 16. No. 2 (31). Pp. 345–372. (in Belarusian).
- Skochylas, Ihor. *Halytska (Lvivska) yeparkhiya XII–XVIII st. Orhanizatsiina struktura ta pravovyi status [The Eparchy of Halych (Lviv) in the 12th–18th centuries: Organizational structure and legal status]*. Lviv: UCU Press, 2010. XXIV + 832 p. + 16 p. col. il. (in Ukrainian).
- Takala-Roszczenko, Maria. *The «Latin» within the «Greek»: The feast of the Holy Eucharist in the context of ruthenian eastern rite liturgical evolution in the 16th–18th centuries*. Joensuu: University of Eastern Finland Publ., 2013. 288 p.
- Tymoshenko, Leonid. *Ruska relihiina kultura Vilna. Kontekst doby. Oseredky. Literatura ta knyzhnist (XVI – persha tretyna XVII st.) [Ruthenian religious culture of Vilna. Context of the time. Centers. Literature and bookishness (16th – the first third of the 17th centuries)]*. Drohobych: Kolo Publ., 2020. 796 p.: il. (in Ukrainian).